

Все предшествующие исследователи ограничивались указанием о составлении Воскресенской летописи в 40-х годах XVI века, не уточняя этой датировки,¹ между тем как ее текст позволяет установить эту дату более или менее точно.

В списке русских митрополитов, помещенном во введении к Воскресенской летописи, последним назван Макарий,² а он стал им 19 марта 1542 года.³ В списке литовских князей рядом с именем Сигизмунда I имеется пояснение „нынешний король“,⁴ а он был королем до 8 октября 1544 года. Следовательно, Воскресенская летопись была составлена между 19 марта 1542 года и 8 октября 1544 года.

Борьба между придворными группировками во главе с Василием и Иваном Шуйскими, с одной стороны, и Иваном Бельским, с другой, началась в 1538 году. Василий Шуйский умер, но Иван Шуйский продолжал борьбу. В феврале 1539 года митрополит Даниил был смещен и его место занял Иоасаф, который скоро изменил Шуйским и добился освобождения Бельского, заключенного в темницу Василием Шуйским. Правление перешло к Ивану Бельскому и митрополиту Иоасафу. Против них составилась заговор, осуществленный в ночь со 2 на 3 января 1542 года, когда был схвачен и сослан на Белоозеро Иван Бельский, смещен митрополит Иоасаф и его место занял Макарий. Иван Шуйский вскоре умер, власть перешла к его родственникам Ивану и Андрею Михайловичам Шуйским и Федору Ивановичу Скопину-Шуйскому. Случай с Семеном Федоровичем Воронцовым, произошедший в сентябре 1543 года, привел к падению Шуйских: 23 декабря 1543 года Андрей Шуйский был схвачен и отдан псарям. Затем началась опала на сторонников Шуйских, продолжавшаяся до конца 1545 года.⁵

Ясно, что составитель Воскресенской летописи не мог быть беспристрастным наблюдателем описываемых событий. Чтобы разрешить вопрос о политических симпатиях и антипатиях составителя Воскресенской летописи, необходимо произвести сравнение изложений одних и тех же событий в разных источниках XVI века.

В Воскресенской летописи история заточения в темницу князя Юрия Ивановича (1533 г.) изложена так: князь Юрий послал к Андрею Шуйскому Третьяка Тишкова с предложением отъехать к нему, но Андрей уклонился от ответа и рассказал обо всем князю Борису Ивановичу Горбатову, тот — боярам, а они — великой княгине Елене; по приказанию последней, Юрий был посажен в темницу. О судьбе же Андрея Шуйского не говорится ничего.⁶

Совсем другое изложение того же события мы находим в Никоновской летописи: Андрей Шуйский пытался уговорить Бориса Ивановича Горбатова отъехать, но тот отказался; тогда Андрей Шуйский явился

¹ См.: А. А. Шахматов. О так называемой Ростовской летописи. М., 1904, стр. 18; Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. 1, СПб., 1899, стр. CLXIV—CLXV, примеч.

² ПСРЛ, т. VII, стр. 239.

³ См.: П. М. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877, стр. 6.

⁴ ПСРЛ, т. VII, стр. 256.

⁵ ПСРЛ, т. VIII, стр. 295—301; т. XIII, ч. I, стр. 123—145; т. XIII, ч. II, стр. 431—445; т. XX, ч. II, стр. 447—466. См. также: С. О. Шмидт. Продолжение хронографа редакции 1512 года. Истор. архив, № 7, М., 1951, стр. 288—289; М. Н. Тихомиров. Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533—1547 гг. Истор. записки, № 46, Изд. АН СССР, 1954, стр. 285.

⁶ ПСРЛ, т. VIII, стр. 286, от слов „Того же месяца декабря 11...“ до слов „...отца нашего Данила столпника“.